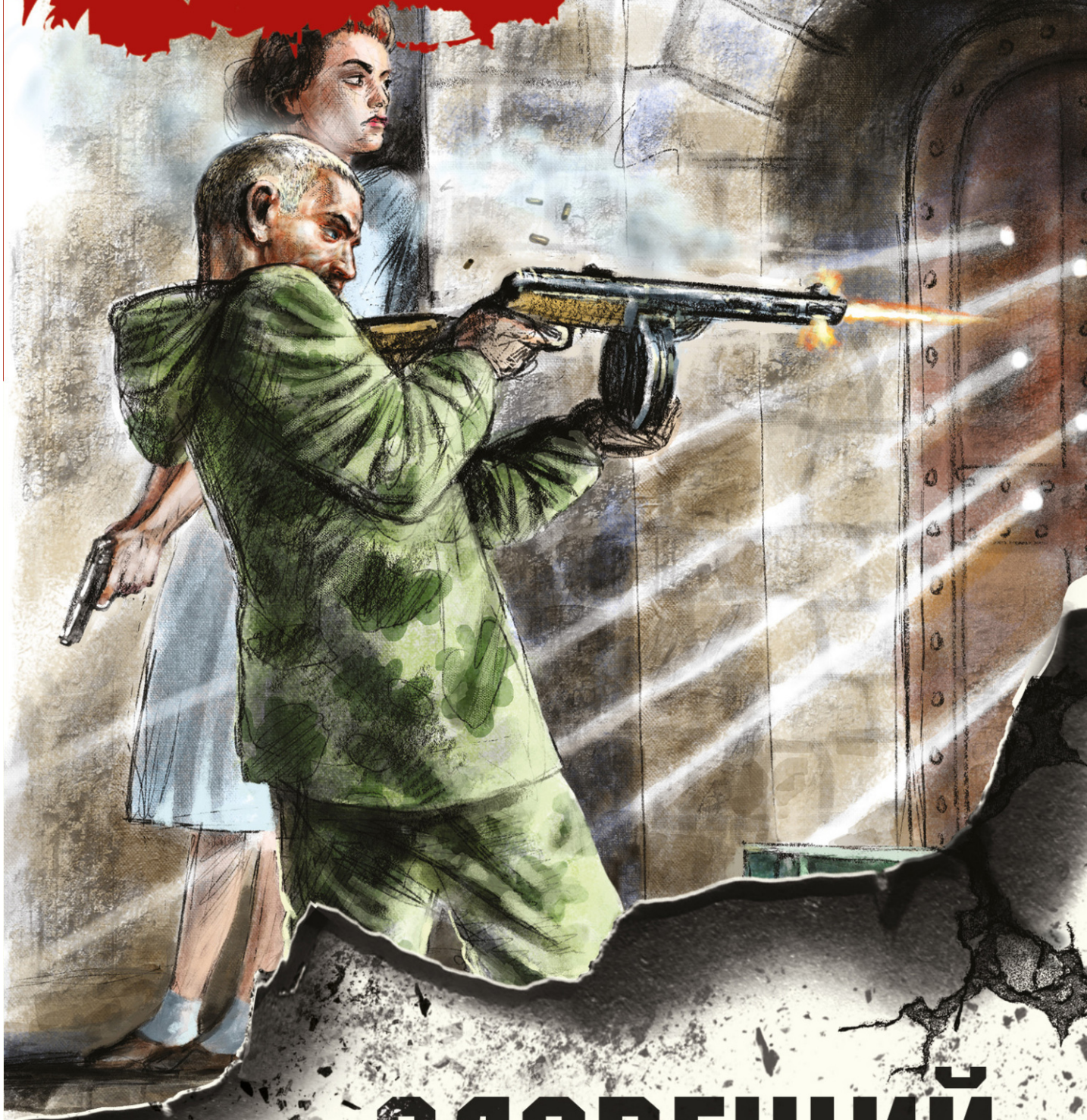

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ЗЛОВЕЩИЙ ЛАБИРИНТ

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Зловещий лабиринт

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Зловещий лабиринт / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2022 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-173279-0

Самые интересные романы о сталинском спецназе — СМЕРШе. Май 1945 года. Окруженная в Прибалтике курляндская группировка вермахта сопротивляется из последних сил. Фашисты намерены вывести морем секретную лабораторию по производству новейшего биостимулятора для личного состава. Чтобы не допустить этого, в распоряжение германских частей забрасывается группа майора СМЕРШа Владислава Дымова. Разведчики вступают в бой с многочисленной охраной и, в конце концов, проникают на объект. Но разъяренные немцы подтягивают подкрепление. Чтобы выполнить приказ, израненные, окруженные врагами, наши бойцы решаются на отчаянный шаг... «Смерть шпионам!» (СМЕРШ) — это короткое и беспощадное название носило особое подразделение НКВД, подчинявшееся И. Сталину. Созданное в годы войны, оно состояло из проверенных в бою, честных и бесстрашных офицеров Красной Армии. СМЕРШа боялись все — и фашистские лазутчики, готовящие диверсии в наших боевых порядках, и гитлеровские приспешники, действующие в глубоком советском тылу. Враг знал: если на его след напали бойцы сталинского спецназа, справедливого и скорого суда не избежать. Романы серии «СМЕРШ — спецназ Сталина» — это каждый раз увлекательный динамичный сюжет и новые исторические знания, это экшен, написанный простым и понятным языком.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-173279-0

© Тамоников А. А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Зловещий лабиринт

© Тамоников А.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Глава первая

Местные товарищи не обманули. В лесном массиве действительно солдат противника не оказалось. Впереди русло пересохшей речки обрамляли каменные столбы, валялись стволы деревьев, похожие на пехотинцев, побитых пулеметным огнем. Лунный свет обрисовывал валуны, серебрил макушки елей. Вражеские позиции на линии фронта остались позади – оперативники, словно ужи, обтекли пулеметные расчеты. Мишка Балабанов цеплялся за пятки шедшего впереди майора Владислава Дымова, ворчал, мол, не барское это дело – ползать за линию фронта. Резон в его стенаниях присутствовал – контрразведку СМЕРШ создавали не для того, чтобы ползать в тылу врага.

Дымов первым перебрался в русло пересохшей речки, прижался к валуну и поднял руку: замри! Кустарник за спиной безмолвствовал. Ночь была глубокая. На дворе начало мая 45-го, дело к лету, ночи становились теплее. Взмокла спина, Дымов расстегнул ворот брезентового балахона, подтянул лямки сползающего со спины рюкзака. Передвигались в гражданской одежде, но полностью снаряженные. Давно забыли, что такое гражданская одежда, и ощущения были странные – чесалась спина, потели подмышки. На север простирался свободный от леса участок местности. Пересохшее русло речки находилось в низине, заваленной камнями. Чувство опасности пока не донимало. В дальнем лесу ухал филин, ветер шевелил верхушки деревьев. Противник отсутствовал. Прикрывать этот участок смысла не было – боевая техника здесь завязнет, пехота тоже не пройдет. «Сюрпризов» не опасались – линия фронта регулярно смещалась, устанавливая минные поля немцы не успевали.

Влад обернулся, махнул рукой, призывая оперативников следовать за ним, и двинулся дальше. Шел, пригибаясь, ощупывая препятствия под ногами. Использовать фонари побаивались. Подчиненные двинулись следом. Последний, пятый, кажется, Глазнев, замешкался – что-то потерял. Но нашел, засеменял за товарищами.

Половину открытого пространства преодолели беспрепятственно.

Ложись! – Влад махнул рукой и повалился на бок, прижав к плечу ремень «ППШ». Остальные последовали примеру командира. Включились органы чувств. Справа доносилась приглушенная речь, брэнчал металл. Говорили на латышском – двое или трое. Ничего удивительного, это Латвия, район прикрывал Латышский легион СС – вояки не особо бравые, но злые и патологически ненавидящие все русское. Снова пришлось лежать, сжимая зубы. Кто-то ругнулся в сердцах, последовал удар металла о металл. Распространенный способ ремонта сложных механических приспособлений. Завелся мотоциклетный мотор, затарахтел – сначала прерывисто, потом ровно. Вскоре транспортное средство удалилось. За ворохом еловых лап пролегал проселочная дорога.

Потерянное время наверстали, предприняв бросок к лесу. Пробежали по ворсистой траве, затем растворились в лесу. Момент был ответственный, Дымов переживал – людей из его отдела не обучали таким премудростям. Прыснул Балабанов, когда Потапенко, не заметив дерево по курсу, ударился об него и набил шишку на лбу. Он выразил сочувствие пострадавшему товарищу. Отличившийся огрызнулся, послал «молодого» по известному адресу.

– Может, помолчим, товарищи офицеры? – не выдержал Дымов. – Забыли, где находитесь?

– Виноваты, товарищ майор, исправимся, – пообещал старший лейтенант Балабанов – смешливый толстогубый паренек с прижатыми к голове ушами.

Тропа белела под ногами – извивалась змейкой, проваливалась в низины. Пока все шло как надо, латышские товарищи точно описали маршрут. В нем значилось и пересохшее русло речки, и тропа в сосняке, которую нашли без хлопот. Четыреста метров по лесу, с минимальным числом препятствий – дальше образовался склон – весьма внушительный, заросший ста-

рыми елями. Здешняя природа не сильно отличалась от Алтайского края – родины Дымова. Отличались люди, их жизненный уклад, отношение к событиям в мире...

Предполагалось, что группа пройдет «вслепую» только три версты. Дальше ее встретят и позаботятся. На обгон пошел немногословный капитан Садовский – Влад вытянул руку, придержал товарища. Склон завершался изрытым подножием. Такое ощущение, что здесь потрудились какие-то гигантские кабаны. Лунный свет озарял округу. Живых существ в квадрате не наблюдалось. Оперативники рассредоточились вдоль кустарника, стали вести наблюдение. Возился Пушкарь, поправляя сползающий на землю вещмешок. Местность была открытая, но укрытий хватало. Пространство пересекали канавы и небольшие овраги, чернел кустарник. С курса не сбились – справа виднелись крыши заброшенного хутора. Лунный свет озарял перебитую изгородь, распахнутые ворота. Ориентир весьма примечательный. До цели оставалось метров семьсот – канавы, овраг, затем лесок слева, где дожидались партизаны...

Дальше шли в колонну по одному – риск нарваться на мину все же сохранялся. Дымов спустился в овраг, пробился через сухие колючки, вскарабкался наверх. Лес был в двух шагах – черный, негостеприимный, как и вся прибалтийская земля. Влад заполз за бугор, сжал прохладное цевье «ППШ» – так было спокойнее.

Округа не подавала признаков жизни. Если «комитет по встрече» засел в лесу, их должны были видеть. Но в трезвом уме никто на опушку не полезет. Еще неизвестно, кто тут находится.

– Уже можно, товарищ майор? – высунулся из оврага Мишка Балабанов.

– Сделай одолжение, – проворчал Влад.

Оперативник перекатился, пристроился рядом. Блеснули в полумраке острые зубы – Мишка хвастался, что может перекусить даже колючую проволоку. Но ни разу свое умение не демонстрировал.

– Вот видите, товарищ майор, ничего сложного...

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, – прокряхтел коренастый капитан Садовский, обустроиваясь справа от Балабанова. Он грыз соломинку, всматривался в темноту. Выбрался капитан Потапенко – большой, крепко сбитый, немного неуклюжий, но обладающий завидной выносливостью. Он как-то примерил мундир эсэсовского офицера. Он сидел на нем как влитой. И немецким языком Потапенко владел – как, впрочем, и все остальные.

– Вперед, командир? – спросил, отдуваясь, капитан. – Чепуха осталась.

– Вперед, – согласился Дымов. – Только с трезвой головой и не гнать коней по бездорожью. Где остальные? Нужду справляют?

– Здесь мы, товарищ майор... – из оврага возник подтянутый дамский угодник старший лейтенант Алексей Пушкарь. Текущая прогулка не располагала к любовным томлениям – он весь измазался жухлой листвой. Алексей грамотно перекатился, обосновался слева. Последним возник капитан Борис Глазнев – жилистый, невысокий, с холеным, но каким-то мутным лицом и такими же глазами.

– Расчет закончен, – бросил он, падая рядом с Пушкарем.

Больше всего на свете хотелось перекреститься! В то, что группа контрразведчиков безнаказанно пересечет линию фронта, верилось с трудом. Но самое страшное, похоже, одолели.

– Последний рывок, товарищи, – сообщил Влад. – Ползем широким фронтом, в случае опасности откатываемся во фланги. Не расслабляться, смотреть во все глаза.

– С богом, как водится, – пошутил Садовский.

Обошлось без комментариев. С Богом у советской власти отношения были сложные. Факт наличия Всевышнего категорически отвергался. Но случались моменты, когда до одури хотелось в него поверить.

Люди рассредоточились, поползли по сырой земле. Желание бегом преодолеть оставшиеся метры было нестерпимым. За кустами высился лес, довольно редкий, хотя и заваленный гниющей древесиной. Ершился подлесок, маскируя природные ловушки. Снова был овраг, его

форсировали проворно, обследовав предварительно на наличие сюрпризов. Бурелом хрустел под ногами – идти без шума было невозможно. Ругнулся Потапенко – ветка ударила ему в голову. Что-то было не так, могли бы встретить на опушке, хотя кто их знает, этих мутных прибалтов. Хотя, возможно, они прошляпили что-то важное.

– Товарищ майор, там люди, – сдавленно сообщил Балабанов. – Ну, впереди...

– На месте, – скомандовал Дымов. – Ложись! – Он добежал до ближайшего дерева и присел.

Оперативники лежали в траве, готовили на всякий случай к бою оружие. За деревьями кто-то мелькал, перебежал человек, рядом завозился еще один. «Только прибыли, – подумал Влад, – не успели обустроиться».

– Товарищи, не стреляйте, свои! – с сильным прибалтийским акцентом крикнули из кустов.

– Слава богу, – проворчал Садовский.

– Латышские партизаны неторопливые, – тихо засмеялся Мишка. – Куда им спешить? Жизнь такая длинная.

– В Лиенае объявили штормовое предупреждение! – крикнул Дымов, выглядывая из-за дерева – ждал отзыва на пароль.

– Ладно, все ясно, – проворчал Потапенко и стал подниматься, уперся коленом в землю.

– Не спеши, – бросил Влад. – Эй, товарищи! В Лиенае объявили штормовое предупреждение!

Из кустов простучала автоматная очередь! Заработали другие автоматы – МР-40. Сердце ушло в пятки. Пули выли над головой, срезали с дерева кору, ее ошметки посыпались за воротник. Оперативники ругались. Лежащий слева Глазнев послал в пространство очередь из «ППШ».

– Засада, командир, – прохрипел, отползая, Садовский.

Влад откатился в сторону от ствола дерева. А ведь помалкивало чутье! И лишь в последний момент, когда уже все было предрешено, изволило что-то сообщить...

Потапенко не внял совету, предпочел не возвращаться в лежачее положение. Он не был идеальной мишенью, но пулю поймал. Капитан хрипел, лежа на боку, вгрызаясь ногтями в землю. Ноги судорожно подрагивали. Дымов дополз до него, схватил за шиворот, стал оттащить в сторону. Откуда-то сверху свалился Мишка Балабанов, начал помогать. Раненого отволокли за пень, прижали лица к земле – пули фактически брили макушки голов.

– Товарищ майор, обманули нас... – сплюнув глиноземом, сказал Мишка. – Это не те люди, что должны были нас встретить.

Какая мудрая констатация факта!

– Держаться! – крикнул Дымов. – Занять круговую оборону!

Самым лучшим выходом из этой ситуации было бы отступить. Но куда отступить? На опушку? И что дальше? А Потапенко куда девать? Бросать на произвол судьбы? Глазнев и Садовский вели плотный огонь. Боеприпасов пока хватало. Только ближе этих упырей не подпускать – иначе гранатами забросают! Справа завозился Пушкарь – подполз к дереву, приподнялся, обняв ствол. Дымов уже выдавал гневную отповедь, но Алексей отвел руку за спину, швырнул противопехотную гранату. Она перелетела через кустарник, взорвалась в слепой зоне. Взрывом вырвало из земли мелкий куст. Сомнительно, что осколки достали противника, но народ приободрился. Алексей, кашляя, отполз от дерева, а противник уже поливал огнем несчастную осину, с которой посыпалась едва проклюнувшаяся листва. Мелькали ноги Мишки Балабанова, он полз на правый фланг и вскоре уже строчил по едва заметному противнику.

Кто это был? Откуда? Кто предупредил? – возникали в голове вопросы.

Центром пятачка сопротивления становился раненый Потапенко. Офицеры струдились вокруг него, вели огонь, по возможности переползали. Раненый уже не дергался, но еще дышал.

Не было возможности заняться перевязкой. Дымов находился в центре. Он лежал за мшистой кочкой и пальцами прогребал «амбразуру». Остался последний диск, он вбил его в паз автомата, оттянул затвор. О смерти даже думать не хотелось, не за смертью они сюда шли. За деревьями мелькали смутные видимые фигуры, перекликались на латышском языке. Старые знакомцы из Латышского легиона СС! Их было немного, но преимущество оставалось за ними. Пока их сдерживали, заставляя прятаться. Добросить гранату латыши по-прежнему не могли. Впрочем, кто-то попытался, выбежал из-за осины, швырнул смертоносный боеприпас.

«Граната!» – проорал Садовский, и все уткнулись носами в землю. Прогремел взрыв, но граната не долетела, не страшно. Жаркая волна опалила голову. Воспользоваться дымовой завесой противнику не удалось. Офицеры дружно стреляли, кто-то вскрикнул, зарылся в бурелом. Садовский мстительно засмеялся – пусть гниет вместе с древесиной. Встречный огонь становился рваным. Но ситуация оставалась угрожающей. Противник снимался с центральной позиции, уходил во фланг. Двое пробежали за деревьями, залегли. Поднялись по очереди, сместились еще на несколько метров. Воспрепятствовать этому замыслу было невозможно. Противник подползал. Кто-то на несколько мгновений включил фонарь. Озарился узкий участок леса, свет резанул по глазам. Фонарь погас, смельчак откатился в сторону. Пули вспахали косогор, за которым он только что лежал.

– Командир, что делать? У нас патроны кончаются! – прокричал Садовский.

Влад решил.

– Глазнев, Пушкарь, оттаскивайте раненого! Сзади у нас овраг, до него метров сорок! Попади – на запад! Мы вас прикроем! Да живее, каждая секунда на счету!

Рванула еще одна граната. Теперь уж ближе. Глазнев отвалился от дерева, взялся за голову, но обошлось. Подхватил упавший автомат, пополз в кусты, оставив пятую точку. И через мгновение стал вести оттуда беглый огонь. Раненого оттаскивали – он тихо стонал, ноги безжизненно волочились по земле. Отполз Садовский – видимо, выравнивал «линию фронта». Пот заливал глаза, Дымов яростно их тер, хватался за автомат, плевался огнем, снова тер. Цветные зайчики прыгали в глазах. Противник наседал, перебежали люди. Кто-то оступился, завяз в трухлявой древесине. Их было человек восемь плюс тактическое преимущество. Глазнев метнул последнюю гранату, то же сделал и Садовский. Разлетелись осколки, стали откапываться к оврагу. Раненого Потапенко уже спускали по склону. Трое пятились, ошетились огнем. Невозможно ползти назад! Это то же самое, что корову заставить спуститься по лестнице! Садовский не выдержал, припустил бегом. Дымов что-то проорал, призывал подумать о здравом смысле – и когда в его сторону понеслись пули, Садовский повалился ничком, стал стрелять как ни в чем не бывало.

– Командир, Борис, бегите, прикрою!

Прикрытие было жалким, но несколько метров удалось пробежать. Узловатый корень вцепился в голень. Влад упал, едва не лишившись ребра, и стал лихорадочно искать выпавший из рук автомат. Упал и Глазнев, он извернулся в падении, повалился на собственный вещмешок. За спиной взорвалась граната, строчили автоматы, и встать не представлялось возможным. Но отметились в голове неумелые действия неприятеля. Враг допустил ошибку, заманивая группу в ловушку, бестолково расположил людей. И это не были кадровые военные, действующие четко и грамотно... Но кто сейчас вел против них бой, не имело значения – существование группы находилось под вопросом.

– Мужики, не вставайте! – гаркнул из оврага Пушкарь. – Ползите к нам, прикроем!

Эти двое послушались приказа. Спустили Потапенко в овраг и вернулись на позиции. Может, и к лучшему. Они строчили, как одуревшие, толком не видя мишени. В кого-то попали, глухо охнул вражеский стрелок. Пули свистели над головой во всех направлениях и едва не сталкивались. Искра надежды вырваться из-под огня превратилась в огонек. Дымов пополз по-пластунски, поглядывал по сторонам: товарищи тоже ползли. Пока все живы. Провалилась

земля под животом – он покатился в овраг, отбивая бока. Вскочил, игнорируя боль, стал карабкаться обратно. Все остальные, привалившись к склону, изводили последние боеприпасы. И что изменилось? Противник продолжал наседавать. Теперь легионеры берегли патроны, стреляли одиночными. Их стало меньше, но от этого ничего не менялось. Вырастали головы, раздражались вспышки выстрелов. Слева качнулся куст – из него выбрались двое, побежали к оврагу. Эти упрямцы настырно лезли во фланг. Дымов ударил длинной очередью, автомат уже перегрелся. Один из бегущих упал, впрочем, ненадолго, бросился с низкого старта за дерево. Второй присел, выжидал. До оврага им осталось метров десять – кто остановит? Еще немного, и беда обретет отчетливые очертания.

– Граната! – ахнул Балабанов. – Все вниз!

Очередной метатель выбежал из-за дерева, швырнул гранату. Как оказалось, лимонку – боеприпас серьезного разрушительного действия. Оперативники посыпались со склона, как горох из банки. Риск оказаться в зоне поражения осколков был большой, он мог добросить! Предательский страх закрался в душу. Кто-то врезал майору по челюсти сапогом, другой отдал руку – всем спасибо... Но метатель не добросил. Взрыв прогремел на краю оврага, еще полметра, и кучка трупов была бы обеспечена. Откололся край обрыва, оперативников завалило землей. Дико ругаясь, они вскочили, хватаясь за оружие. Голова кружилась, назревали проблемы с вестибулярным аппаратом. Внимание привлек капитан Потапенко, он лежал неподвижно, с приоткрытым ртом, не замечая, что туда забились глины. В приоткрытых глазах пустота. Сердце тоскливо сжалось.

– На запад, бегом! – прохрипел Дымов. – Потапенко не трогайте, он уже мертв.

Желание поквитаться за убитого просто выкручивало. Люди выли от злости. Но иногда надо и отступать. Неизвестно, как далеко бы они ушли (и ушли бы вообще). Наверху разгорелась интенсивная стрельба. Количество МР-40 явно прибыло. Кричали люди. В стороне посыпалась земля, скатились двое, остались лежать – видимо, те, что обходили с фланга. Преследование опергруппы прекратилось, у охотников возникли проблемы. Выжившие пустились наутек, затрещали ветки. Прогремели два взрыва, треск прекратился. И внезапно стало тихо. Настолько тихо, что было слышно, как ветер шелестит кронами. Офицеры переглядывались, держали на мушке гребень оврага. Мишка Балабанов яростно вычесывал глину из волос.

– Рассредоточиться, – прошептал Дымов. – Чего столпились?

Сотрудники отступали, прячась в расщелинах. «А ведь скоро утро, – подумал Влад. – Припозднились мы с этой войнушкой».

– Эй, живые есть? – прозвучал хрипловатый и неожиданно для оперативников женский голос.

– Найдем, если надо, – подумав, отозвался Влад.

– Мы свои, не бойтесь...

– Те тоже говорили, что они свои, – хмыкнул Садовский. – И чем закончилось?

– В Лиепе на завтра объявлено штормовое предупреждение! – крикнул Дымов.

– Шторм уже был, завтра будет спокойная погода.

– Надо же, – оценил Садовский. – Угадала. Тебя не смущает, командир, что с нами разговаривает баба?

– Ладно, поднимаемся, – проворчал Влад. – Быть начеку, не расслабляться.

На краю обрыва стояли люди в штатском, увешанные оружием – кто-то в фуфайке, кто-то в пальто. Они тянули руки, помогали подняться. Встречающие проявляли сдержанность, скупно улыбались, отводили глаза. Кивнул в знак приветствия майору рослый мужчина в «геологической» штормовке. Грудь его крест-накрест была перетянута пулеметными лентами. На земле валялись мертвецы в немецкой форме. На корточках перед трупом сидел партизан в кепке, деловито перебирал содержимое ранца. Пятна света шныряли по земле, озаряли оскаленные зубы, выпученные мертвые глаза. Подошла женщина в драповой куртке, подпоясанная

немецким ремнем, на котором висели советские подсумки и советская фляжка. Из-под кепки, насаженной на макушку, выбивались непослушные темные волосы. Блуждающий свет выхватил из мрака осунувшееся лицо, морщинки вокруг губ, красивые, но запавшие глаза. Особе было в районе сорока, она еще сохранила привлекательность.

– Здравствуйте, – произнесла она с акцентом. Русская речь в исполнении представителей прибалтийских народностей звучала интересно. Женщина с любопытством смотрела на статного светловолосого майора. – Просим прощения, что так случилось. Нам поручили вас встретить – передали точные координаты и время. Произошла неприятность – группу задержали в деревне Юлгаво, в одном из домов была устроена засада. Мы потеряли двадцать минут, потеряли одного человека. Считаем, что это не случайность, кто-то не хотел, чтобы мы пришли в этот квадрат. Эти люди знали, что вы появитесь, вас хотели уничтожить или захватить. В штабах партизанских отрядов есть лазутчики и провокаторы. Еще раз прошу простить, мы спешили как могли.

– Ничего, бывает. – Дымов чувствовал дурацкую неловкость. – Вы успели, мы вам признательны. Я могу поговорить с вашим командиром?

– Вы уже говорите, – в женском голосе звучали насмешливые нотки, заблестели глаза. Стали ухмыляться латышские партизаны. – Вас что-то удивляет? В нашей группе осталось одиннадцать человек, люди подчиняются мне независимо от того, нравится вам это или нет. – Женщина протянула узкую ладошку. – Меня зовут Анна Сауляйте.

Ее кожа была сухой и прохладной.

– Майор Дымов, – сухо отчитался Влад. – К сожалению, не могу раскрыть нашу ведомственную принадлежность и суть поставленных нам задач...

– Это лишнее, – перебила Анна. – Нам поручено вас встретить, сопроводить до Лиепай и оказать посильную помощь. Будем знакомы, майор Дымов. – Женщина, похоже, улыбнулась, сказать точнее было невозможно, лицо пряталось в тени. – Надо уходить и делать это срочно. В округе нет нацистов, по крайней мере по нашим сведениям. Но на хуторе Нейзе – это в четырех километрах на восток – стоит гарнизон солдат СС, они слышали выстрелы и могут скоро выступить. Будет неприятно, если нам отрежут дорогу. Надо пройти по лесу не меньше десяти километров. Вы должны представлять, что это значит.

– Да, Анна... Мы потеряли человека... вы же понимаете?

– Да, я понимаю, – кивнула женщина. – Постарайтесь уложиться в две минуты.

Группа понесла потери, но могло быть хуже. Видимо, сведения о заброске в немецкий тыл группы СМЕРШ попали в руки врагов. Думать об этом сейчас не имело смысла.

Погибшего Потапенко завернули в плащ-палатку, поместили в расщелину на дне оврага, завалили камнями.

– Временная мера, – объяснил своим подчиненным Влад. – Хоронить некогда. Освободим территорию – вернемся и похороним.

Постояли с непокрытыми головами, потом спохватились, полезли наверх, где латышские партизаны проявляли признаки нетерпения. Пришлось перевооружиться – боезапас для «ППШ» практически иссяк. Офицеры избавляли мертвецов от автоматов «МР-40», набивали карманы и подсумки снаряженными патронами магазинами.

– Командир, здесь живой, – глухо сообщил Садовский.

Не было времени учинять допросы. Но люди подошли. Кряхтел светловолосый легионер в порванном френче, искаженная от боли физиономия лоснилась от пота. Огнестрельного ранения он не получил – оступился и неудачно ударился виском о сучок. Порвалась кожа, возможно, пострадал череп. Он потерял сознание, а теперь очнулся и полз за куст. Поняв, что погорел, мучительно застонал, откинул голову. Это был совсем молодой человек, он дрожал, губы беззвучно двигались. Говорить он не мог, горло отказало.

– Командир, нам некогда, – заволновался Садовский. – Пошел он к той-то матери, задание надо выполнять.

– Ладно, – сплюнул Влад. – Разберитесь с ним.

– Отлично, – обрадовался Пушкарь. – Рассмотрим дело в особом порядке с применением высшей меры наказания. За Костю Потапенко и всех остальных...

Пока он рассуждал, вразвалку подошел здоровяк с пулеметными лентами, оттер Балаба-нова плечом. Он опустился на колени, всадил ээсовцу нож в горло и угрюмо наблюдал, как тот пучит глаза, испуская дух. Затем партизан поднялся и, ни на кого не глядя, побрел прочь.

Вскоре объединенная группа стала удаляться в лес.

Глава вторая

Слабакам здесь было не место. Двигались в темпе – благо появилась незначительная видимость. Анна торопила, видимо, что-то чувствовала. Люди переходили на рысь, пот стекал по их лицам. Никто не роптал, молча сносили тяготы. Анна Сауляйте была не единственной женщиной в отряде. Имелась еще девушка в берете и форменном пальто – видимо, с плеча почтового служащего. Она не отличалась темпераментом, равнодушно поглядывала на советских военнослужащих. Когда девица споткнулась, Мишка Балабанов устремился ей на помощь, поддержал партизанку за локоть. Девица отпрянула, устояла на Мишку так, словно он ее пытался изнасиловать. Однако впоследствии он пару раз замечал на себе ее задумчивый взгляд и энергично ей подмигивал, ввергая бедняжку в ступор.

Через полчаса пути вышли на опушку. Распахнулся простор – вереница покатых холмов, отдельно стоящие деревья. У людей заплетались ноги. Анна Сауляйте, казалось, не устала, лишь забавно стряхивала с носа капельки пота. Дама обладала авторитетом, ее слушались.

Народ рассредоточился по кромке леса, люди переводили дыхание.

– Минута на отдых, – объявила Анна. – И бегом вперед. До леса меньше километра. А дальше будет проще, в тех лесах можно долго играть в прятки.

– Вы уверены, Анна? – засомневался Влад. – Если противник собирается перекрыть дорогу, то лучшего места, чем на этом участке, ему не найти.

– Нет, все в порядке, майор. – Она опять смахнула с носа капельку пота, недовольно поморщилась. – Мы должны успеть, дорога свободная. Но если протянем время, тогда будет трудно. Не перечьте, майор, здесь я командую, и мне виднее, как безопаснее всего вывести вас к Лиенае... Так, все отдышались? Бегом!

Неслись со всех ног, словно соревновались, кто добежит быстрее. Перепрыгивали мелкие канавы, огибали скопления камней и невысокие холмы, похожие на курганы. Споткнулась девушка в берете (кажется, ее звали Илзе) и чуть не подвернула ногу. Мишка оказался тут как тут, схватил ее за шиворот, уберег от падения. Слов благодарности не дождался, но девчонка уже не шарахалась от него как черт от ладана.

И все же Анна просчиталась. За холмом посреди проселка стоял грузовичок-пикап с гитлеровским крестом на борту. Из кузова выгружались пехотинцы в форме вермахта, вооруженные новомодными штурмовыми винтовками Stg-44. Вояками командовал упитанный унтер. Нежданная встреча стала откровением для обеих сторон. Ругаясь, контрразведчики стали стаскивать висевшие за спинами автоматы. Отступить было поздно, даже остановиться не могли – настолько разогнались! Солдаты оторопели – они не привыкли действовать не по плану. И это замешательство было на руку отряду.

– Огонь! – закричал Дымов, высаживая из автомата порцию свинца.

То же самое закричала по-латышски Анна, первой открыла огонь, ухитряясь целиться на бегу. Это плохо кончилось, запутались ноги, женщина упала и покатила по траве. Но остальные продолжали бежать и стрелять. Мелькали перед глазами посеревшие от страха лица солдат. Клацали затворы штурмовых винтовок, двое или трое успели выстрелить. Но встречный огонь был плотнее, у вояк не осталось шансов выжить. Половина из десятка фрицев сразу полегла, пал в траву наштигованный пулями унтер. Водитель не успел выбраться из кабины, задержался от попадавших в него пуль и повалился на сиденье.

Боец на «острие» атаки выхватил гранату, выдернул чеку и размахнулся. Идея была блестящей, но воплощение – отвратительным! Трудно без опыта, да на бегу. Он зацепил плечо бегущего рядом товарища, граната выпала из руки. Боец встал, как столб, устоял на гранату – его веснушчатая физиономия побелела от страха. Дымов с истошным криком налетел на него, оттолкнул, чтобы не мешался, и пнул по гранате. На заре своей юности он увлекался

футболом и, видимо, еще не растерял навыки. Граната умчалась по навесной траектории к грузовику, где и взорвалась. Попадали посеченные осколками солдаты. Двое шмыгнули за кузов, пытались улизнуть, но снова взорвалась граната, перелетевшая через кузов. Люди бежали без остановки, обтекали машину с двух сторон. Один из солдат еще пытался приподняться, его рука висела плетью, кровь заливала лицо. Пробегавший мимо здоровяк плюнул в него очередь из ручного пулемета – эта тяжелая штука в его руках-кувалдах смотрелась просто игрушкой. Беднягу отбросило, кровь из груди брызнула фонтаном.

Останавливаться не стали. Кучка людей двигалась дальше. Через три минуты сводная группа ворвалась в лес.

– Виксна, Рубенес, в головной дозор! – деловито скомандовала догнавшая подчиненных Анна. – Протаптывайте тропу!

Двое крепких партизан выдвинулись в голову колонны. Лес был смешанный, густой, насыщенный буреломом и отмирающей растительностью. Молодая листва уже облепила кустарники и деревья. Скорость передвижения упала, но группа упорно пробиралась через лес.

Оперативники помалкивали, мертвый Потапенко еще стоял перед глазами. Война завершалась, а люди продолжали умирать – в этом была какая-то возмутительная вселенская несправедливость.

Анна догнала Дымова, какое-то время шла рядом, искоса поглядывая на офицера. Большой симпатии в ее глазах не было, но уважение чувствовалось.

– Признательна вам, майор. – Она улыбнулась, сухо и механически. – Я видела, как Улдис не справился с гранатой и едва не погубил многих из нас. Вы исправили его ошибку, причем весьма оригинально. Примите благодарность.

– Не стоит благодарить, Анна, – отмахнулся Дымов, – я и свою жизнь спасал. Часто возникают ситуации, когда голова не работает, действуют инстинкты. Этот случай из тех. Вы тоже достойны похвалы – грамотно командуете, поддерживаете дисциплину – несмотря на то, что вы... – Влад задумался, подбирая слово. Но не придумали еще других слов! Пришлось закончить как есть: – Несмотря на то, что вы женщина.

Анна рассмеялась – уже не так сухо.

– Вы замечательно выражаете свои мысли, майор Дымов. У нас еще будет время поговорить. До Лиепаи километров десять-двенадцать. До пригородов – еще меньше. Мы можем свернуть на запад, к морю, но передвигаться вдоль береговой полосы будет затруднительно. Лесами проще, уверяю вас. Возможно, к вечеру мы достигнем нужного нам района. А сейчас прошу прощения, должна вас оставить.

Анна побежала в голову колонны. Дымов проводил ее взглядом. Женщины участвовали в войне, встречались и в боевых частях. Но чтобы женщина командовала мужчинами в боевой обстановке, а последние ее слушались – такое он видел впервые. С этой Европой было что-то не так...

Ближайшие планы провалились, как мартовский лед под ногами! Между деревьями забрезжил просвет. Люди оживились, ускорили шаг. Опыта ведения боевых действий им явно не хватало. Один из дозорных – молодой мужчина в рыбацком балахоне – в полный рост вышел из леса. Второй среагировал – ахнув, бросился наперерез, выставив ногу, повалил товарища, прижал к земле. Остальные присели, кто-то залег. Дымов перекатился в канаву, заскрипел зубами от досады. Рядом гримасничала Анна, сжимала кулаки. Положение становилось отчаянным. Недалеко от опушки стоял немецкий солдат в сдвинутой на затылок каске, грыз травинку. Рядом прохаживался еще один немец – рослый и плечистый. Оба были при полной амуниции, вооружены до зубов, на допниках за спиной крепились скрученные шинели. Это были часовые. За ними, в низине, стояли два грузовика. Один уже разгрузился, солдаты вытягивались в цепь. Со второго немецкие военнослужащие с засученными рукавами стаскивали ящики, разобранный миномет. Из низины доносился гул голосов. Первый солдат что-то заме-

тил краем глаза. Он насторожился, взялся за автомат, стал всматриваться. Ноздри хищно раздувались. Он точно что-то заметил. Второй тоже проявил интерес, что-то спросил. Выслушав ответ, привел автомат в боевое положение, встал, расставив ноги. Партизаны, затаив дыхание, не шевелились. Плотный кустарник служил им защитой.

Какое-то время солдаты всматривались в даль. Первый собрался открыть огонь, передернул затвор. Напарник фрица начал его отговаривать, дескать, не пори горячку, людей всполошишь. Нет никого в лесу! Первый настаивал: он что-то видел! И неизвестно, чем бы закончился их разговор, но в этот момент с ветки взлетела крупная птица, вздрогнул кустарник. Ворона, тяжело махая крыльями, подалась через открытое пространство к отдельно стоящему дереву. Караульные проводили ее взглядами. Плечистый засмеялся, похлопал товарища по плечу. Второй расслабился, сплюнул. Часовые постояли еще немного, потом вразвалку двинулись вдоль опушки.

– Не шевелиться, – прошелестела команда Анны.

Женщина расслабилась, отдельные участки ее лица стали покрываться румянцем, другие оставались бледными.

– Есть еще чему поучиться, верно, Анна? – прошептал Влад.

– Да, вы правы. Но мы не регулярное войско и часто допускаем ошибки. Это простиительно, если не влечет за собой человеческие жертвы... Обстоятельства складываются не в нашу пользу, майор, вы это уже поняли. Идти назад мы не можем – тела у грузовика фашисты уже нашли, наверняка стянули силы и устроят облаву. Взвод перед нами тоже не будет сидеть на месте. К морю идти опасно, окажемся в капкане. Нужно двигаться только на восток, вдоль опушки, но мы отдалимся от Лиепай... чтобы потом к ней вернуться. Вас не ждут в Лиепе неотложные дела?

– Дела потерпят, – скупое отозвался Дымов, – но недолго. Не позднее завтрашнего дня мы должны быть в городе. Но вы правы, повлиять на сложившуюся ситуацию трудно...

Люди стали отползать в лес – справиться со взводом вооруженных солдат маленькая группа была не готова. Только в лощине в глуши леса люди стали приходить в себя.

– Хлебнем мы с этими вояками горя, командир, – сокрушенно сказал Садовский. – Не удивлюсь, если выяснится, что они не ориентируются в этой местности.

Дымов промолчал.

Какое-то время группа шла на восток. Лощина сменилась морем колючего шиповника – пришлось его обходить. Лес уплотнялся, смена направления движения к добру не привела. Вырос черный ельник, приходилось гнуться в три погибели, чтобы пройти под его лапами. Потом в течение двух часов обходили зловонное болото, проваливались в жижу по щиколотки. На привалах почти не говорили, восстанавливали силы. День прошел бездарно.

Пулеметчик Густавс, наплевав на субординацию, спорил с Анной: мы неправильно идем, просто стоим на месте! Откуда у нее эти ложные сведения? Он знает эти места, до войны работал егерем в северном заповеднике – и в толк не может взять, куда их ведет Анна! На западе река Кышка, можно пройти ее берегом и к вечеру добраться до Лиепай. По ее же милости оказались в глухомани, где даже немцев нет! Мнения разделились. Сторонники Анны уверяли, что на Кышке выставлены посты, а саму реку патрулируют на катерах легионеры. И она поступает правильно, что ведет отряд в обход. Люди доказывали свою правоту, горячились, как дети.

– В товарищах согласия нет, – шепотом прокомментировал Садовский.

С латышским языком у Влада были серьезные проблемы, но отдельные слова он понимал.

– Какие горячие хлопцы, – лениво пробормотал, закрывая глаза, Глазнев. – А я вообще не понимаю, откуда здесь столько непроходимых лесов. Маленькая страна, клякса на карте...

Привалы становились длиннее, переходы короче. Мишка Балабанов подбирался к Илзе. Латыши взирали на него с осуждением, но это не могло остановить бойца. Однажды он с ней заговорил, и выяснилась страшная вещь: Илзе не понимала русского языка, а Балабанов не знал

латышского. Это обстоятельство несколько охладило пыл молодого человека, теперь он решал, как зайти с другой стороны. По крайней мере оперативник не скучал, ему было чем заняться.

Поздний вечер застал отряд в глухом лесу. Люди спустились в низину, Анна выставила посты. Женщина стояла на коленях между валунами, и в свете фонаря изучала мятую карту.

– Смотрите, майор, – она указала испачканным пальцем с аккуратно остриженным ногтем, – вот это хутор Разинве, мы прошли его полчаса назад – помните? Противника там нет, мирных жителей тоже, хутор опустел в ноябре прошлого года. Отсюда до Лиепайи одиннадцать километров. Если выступим до рассвета, то мы их быстро преодолеем.

– Для начала нужно попасть в город Ульве, – напомнил Влад.

– Да, я помню, – кивнула Анна. – Ульве – не город, а небольшой поселок, пригород Лиепайи. Он к югу от города, вот здесь. От города Ульве отделяет лесная полоса шириной в полтора километра. Завтра утром пойдем по лесу, а потом придумаем что-нибудь. Войск вокруг города немного, только полицейские части. Все боеспособные подразделения отправляются на юг, к линии фронта... Признаться, не понимаю, почему эта группировка еще сопротивляется. Вы в курсе, что сейчас происходит в Германии? Мы не получаем нужных сведений, работает только немецкое радио, довольствуемся слухами...

– Да, вопрос важный, – согласился Дымов. – Немцы отчаянно сопротивляются, но лишь до того момента, пока это имеет смысл. Когда он пропадает, сопротивляются только фанатики – вроде тех же СС. Думаю, реализуются планы по эвакуации части гарнизона морским путем – например, в Швецию. Спасибо вам, Анна, что нянчитесь с нами. Без вашей помощи мы бы уже погибли.

– Не стоит, – отмахнулась женщина, – Мы просто выполняем приказ нашего центра.

К вечеру похолодало. Сгущалась темнота. Двигаться дальше не имело смысла. Партизаны резали еловые лапы, мастерили лежанки. В удобствах они не нуждались – чуток тепла, что-нибудь съесть. Все, не стоящие в карауле, собрались в лощине. Потрескивал костер, заглубленный в землю. Люди вынимали из ранцев и вещмешков нехитрую снедь, жадно жевали. Сухой паек у офицеров СМЕРШ пока не иссяк, и они открыли по банке. Молчали как-то неловко, партизаны опускали глаза. Даже великан Густавс стал застенчивым малым, смотрел в сторону. Оперативники держались особняком. Мишка Балабанов с затаенной грустью поглядывал на Илзе. Девушка сидела у костра, грела тонкие руки. Она сняла берет, волнистые волосы рассыпались по плечам. Девушка смотрела на огонь, казалось, сквозь пространство и время.

– Нужно ложиться спать, – произнесла Анна. – Выступаем перед рассветом. К обеду дойдем до Ульве. У вас дела в этом пригороде, я не ошибаюсь? В Ульве пойдете одни, мы будем ждать вас в лесу.

– Да, разумеется, – кивнул Дымов. – Было бы странно, если бы мы такой живописной компанией прошли по улицам городка. Будем признательны, если вы нас дождетесь и доведете до Лиепайи. Мое руководство будет признательно вашему руководству.

Дымов замолчал. Присутствующие насторожились, вытянули шеи. Где-то далеко рокотала канонада, растекаясь, как весенний гром. «Может, и вправду гром? – подумал майор. – Вроде рано нашим переходить в наступление. Но что ему известно о планах высокого командования? Ему не объяснишь, что преждевременное наступление ставит под угрозу выполнение задачи какого-то там майора Дымова.

– Артиллерия ведет огонь, – пробормотал светловолосый ушастый парень. – Даже не верится, что скоро наша страна станет свободной... Совсем немного осталось...

– Если бы так, – вздохнула Анна. – Уверена, в обозримом будущем у нашей страны возникнут новые проблемы...

Дымов, в принципе, понял, о чем они говорят. Латыши тоже понимали русский язык, хотя не всегда могли сформулировать ответную мысль.

– С вашей страной будет полный порядок, товарищи, – уверил Влад. – Фашистов прогонят, буржуев-кровопийц отправят в места не столь отдаленные... Не совсем понимаю, почему вы называете Латвию страной. Латвия, как и Литва с Эстонией, станет союзной республикой в составе СССР. И вряд ли этот процесс будет затянут. В Риге давно пришли к соответствующему решению. И вам, как советским партизанам, это следовало бы знать...

– Мы не советские партизаны, – произнесла по-русски Анна.

– А какие? – оторопел Садовский.

Оперативники напряглись. Предательский холодок побежал по спине. Весь день майор Дымов чувствовал, что с этими борцами с гитлеровским режимом что-то не так. Уж больно прохладно они относились к людям, которым вызвались помочь. Немецкую сторону они не поддерживали, уничтожили засаду в лесу и при нападении на грузовую машину вели себя достойно. И все же с ними что-то было неладно. Даже Анна Сауляйте относилась к ним прохладно – улыбалась сухо, лишних слов не говорила.

Офицеры группы насторожились, подобрались, кое у кого рука потянулась к оружию. Бред какой-то...

– Анна, не прокомментируете свое заявление? – глухо спросил Дымов. – Что вы имели в виду?

– Все в порядке, – успокоила майора Анна. – Не надо хвататься за оружие, майор. Пусть ваши люди успокоятся. Мы не советские партизаны, – повторила она. – Мы не поддерживаем политику вашей страны и не хотим входить в СССР, считая, что это губительно скажется на нашем народе. Но мы ненавидим нацистов, у каждого свои счеты к их режиму. Мы выступаем за свободу и независимость латвийского государства.

– Вы сейчас про насквозь прогнивший буржуазный строй? – ухмыльнулся Садовский. – При поддержке империалистов со всего мира?

– Мы не понимаем таких слов, – качнула головой Анна. В ее глазах стало появляться протестное, гневное выражение. – Мы хотим свободы, не хотим быть оккупированными другими странами. Наше движение подчиняется латвийскому Центральному Совету – высшему органу власти государства... хоть он и находится в подполье.

– Ну, что ж, откровенно, – хмыкнул Влад. Рука нащупала-таки казенник автомата, неуверенно его погладила.

Товарищи угрюмо смотрели на командира: мол, какие действия, товарищ майор? Будем биться до последней капли крови?

– Вы не понимаете, – поморщилась Анна. – Наши убеждения на данном этапе не несут вам угрозы. Вас не сдадут в СС – стали бы мы тогда вам помогать и спасать от смерти? Мы союзники, пусть и временные. Других союзников сейчас нет, англичане и американцы далеко. Враг у нас один – нацистская Германия. Вы можете на нас положиться, мы выполним свои обязательства. Заключен договор с руководством советских партизанских отрядов – мы обязались им помочь. Они, в свою очередь, в долгу не останутся. Своих людей они выделить не смогли по простой причине – в этом районе их всех уничтожили. Вам не о чем беспокоиться, в наших отношениях ничего не меняется. Мы не скрываем, кто мы такие, просто никто не спрашивал...

Присутствующие продолжали молчать. Конопатый Улдис ложкой выскребывал остатки рыбы из консервной банки. Глазнев и Пушкарь исподлобья смотрели на командира: что за дела, товарищ майор? Эти люди притворяются своими, а в критический момент – нож в спину? Дымов так не считал, он неплохо разбирался в людях. Нормальные ребята, просто мозги у них замусорены буржуазной пропагандой. Запутались, не в том направлении движутся. Жизнь расставит все по местам, поймут, что такое хорошо, а что такое плохо. Сами не осознают своей выгоды – добровольно примкнуть к самому мощному в мире государству, вооруженному передовой идеологией...

– Нацисты в прошлом году убили у Анны мужа, – подняв голову, произнес здоровяк Густав. Он говорил по-русски, но с чудовищным акцентом. – Это были наши, латыши, из местного легиона. Проводили облаву на подполье, хватали всех подряд. Потом стреляли людей – просто так, без причины, чтобы боялись. Анны не было тогда в городе... У меня убили мать, просто задавили танком, когда она пошла в магазин... Валлис потерял невесту – ее изнасиловали и застрелили пьяные солдаты. У Кристапа убили всю семью, сожгли дом – он смог добраться до леса и месяц лечил ожоги... Возьми любого человека – каждый кого-то и что-то потерял...

– Мы знаем, что у вашей страны потери еще ужаснее, – тихо сказала Анна. – У вас погибли многие миллионы... Повторяю, у нас один враг, с ним надо покончить, а потом думать, как устраивать жизнь... Мы разрешили недоразумение, майор?

– Нет никаких проблем, – пожал плечами Дымов. – Вы имеете полное право на свои убеждения... если они не противоречат нашим целям. Все в порядке, Анна, будем считать, что вы ничего не говорили. И... примите сочувствия по поводу ваших утрат.

Пламя подсело – в огонь забыли добавить дрова. Глухая тьма накрыла лес. Глухо ворчала ночная птица – словно ей сдавили горло и заставили извлекать «певчие» звуки. Илзе окаменела – смотрела на гаснущий костер и не шевелилась. На нее опять с любопытством уставился Мишка Балабанов. Вникать в перипетии международных отношений парень не рвался. Хотелось многое сказать, но Дымов прикусил язык. Бог с ними – с их «свободой и независимостью». Откуда такая наивность? Красная армия катком прокатилась по Латвии. Не будут советские власти прислушиваться к лепету какого-то центра, кормящегося с руки буржуазных стран. Не для того отхватили пол-Европы. К тому же эта территория уже была советской. Польша тоже рассчитывала на самостоятельность – большая, густонаселенная, с антисоветской позицией. И где она теперь? Стоит ли говорить о какой-то Латвии?

– Насколько вы готовы нам помочь, Анна? – спросил Влад. – Не думаю, что ваше руководство дало добро на безграничное содействие нам.

– Есть приказ довести до Лиенаи группу военнослужащих Красной армии. Зачем вам туда – не наше дело. Мы должны обеспечить вашу безопасность в пути. Дальше будете действовать самостоятельно. Возможно, в Лиенае вам удастся связаться со своим подпольем. Мы не знаем имен и адресов. На случай, если столкнетесь с трудностями... – Анна поколебалась, переглянулась с мужчиной в годах по имени Кристап. Тот задумался, но все же кивнул. – Запомните адрес в Лиенае. Улица Лицене, четырнадцать. Там наши люди – они подчиняются ЛЦС. Условная фраза: «Вы заказывали доставку дров из Павилосты?» Отзыв: «Нет, спасибо, мы уже договорились с другими поставщиками». Запомните имена: Рамона Вентьяре, Андерс Смилга, Ивар Зиндерс. Не думаю, что они окажут вам всю необходимую помощь, но попробуйте договориться. Сошлитесь на меня. Наше руководство не возражало против того, чтобы свести вас с этими людьми. Они не провокаторы и не тайные осведомители гестапо. Надеюсь, у вас хватит порядочности не подставлять наших людей под удар.

– Разумеется, Анна, будем действовать деликатно.

– Хорошо, – вздохнула женщина. – В таком случае предлагаю не терять время, отпущенное на сон. Через шесть часов выступаем. Кристап, реши вопрос с дежурными, пусть караулят по часу.

Он долго не мог уснуть – ворочался, смотрел в иссиня-черное небо. Приближалось лето – прохлада не беспокоила, стих ветер, на небе ни облачка, только мириады подмигивающих звезд. А еще луна, которую закрыли кроны сосен, но свет ее – тускло-серебристый – расплзался по земле.

Под боком посапывал Пушкарь, вертелся и кряхтел старший лейтенант Балабанов. Садовский помалкивал, то ли спал, то ли притворялся, что дрыхнет.

– Командир, мы настолько беспечны, что уснем? – прошептал на ухо Дымову Глазнев после того, как все партизаны расползлись по лежанкам. – Где наша хваленая бдительность? Эти люди очень подозрительны. Допускаю, что временно нам по пути, но это же враги, понимаешь? Что у них на уме? Они же генетически ненавидят коммунистов и Советский Союз.

Дымов так не думал, но определенный риск в сотрудничестве с отрядом Анны признавал.

– Тогда сиди и отстреливайся, – отрезал он. – Делай вид, что твой организм не нуждается в сне. Толкнешь меня через пару часов, а я потом этих толкну...

Он засыпал, но тут же просыпался. В голову лезла всякая всячина. Предместье большого алтайского города, где он родился и в семилетнем возрасте стал свидетелем того, как рухнул старый мир. Вихри враждебные веяли в буквально смысле – в память врзался безумный ураган, разметавший повозки беженцев, покидающих пылающий город. Потом повсюду хлопали выстрелы, кричали люди. Женщина с растрепанными волосами волокла его по буеракам, потом он сам бежал, крича от страха. Ясно помнился взрыв и как он остался один. Кто была эта женщина? Мама, родственница, просто незнакомая сердобольная тетечка? Его нашли в траве люди с винтовками и красными повязками на рукавах и отвезли в ближайший приют. Психика восстановилась, но все события до этого дня стерлись из памяти начисто. Георгий Дымов, как выяснилось позднее, был директором гимназии – не «белая кровь», не презренный буржуй. Но и не сказать что классово близкий товарищ. Следы его затерялись – видимо, похоронили в братской могиле, не особо интересуясь личностью. Жена его скончалась от чахотки еще в 16-м году – значит, растрепанная женщина была не мамой. Вырос не тот человек, что мог бы вырасти. Детский дом, потом приемная семья на Тамбовщине, семеро по лавкам. Налет кулацкой банды отпечатался в голове с потрясающей четкостью. Ржущие кони, матюги из всех орущих ртов, горящие избы. Выжили в селе, решившем поддержать советскую власть, немногие, погибли приемные родители... Оттого и пошел после срочной службы в милицию – давить уголовную нечисть. Потом ОГПУ, НКВД, специальная школа упомянутого ведомства. В стране творилось черт-те что, все проблемы списывали на врагов народа, которые чересчур активизировались. Голова отказывалась понимать – откуда столько врагов? Многих из них он прекрасно знал – они никогда не посещали тайные антисоветские кружки – однако сухие строчки уголовных дел утверждали обратное. Дымов участвовал во всем этом, старался не задумываться о происходящем, дослужился до старшего оперуполномоченного, готовился возглавить отдел. Товарищ шепнул: на днях за тобой придут – накапала на тебя одна гнида. Отказывался верить. Возможно, напрасно. Но судьба вывела из-под удара – причем оригинальным способом. В транспортном происшествии на мосту пострадали несколько машин. У полуторки, несшейся с бешеной скоростью, отказали тормоза. Она снесла несколько транспортных средств, проломила ограждение. Взорвался бензовоз, оказавшийся там же. Погибли сослуживцы, ехавшие с Дымовым в одной машине. Когда его тело, прибывшее к опоре моста, извлекли из воды, он был почти труп. Но кто-то сжалился: вместо морга отправили в больницу. Куча переломов, сотрясение мозга, рваные раны по всему телу... Первый месяц он почти не приходил в сознание. Уголовное дело против Дымова решили не заводить – к чему такие сложности? Хватает и здоровых ни в чем не повинных людей...

Восстанавливался долго, мучительно. Врачи говорили: со службой придется завязывать. Только в 40-м году, когда схлынул вал репрессий, вернулся на старое место работы. Карьера полетела в тартарары, личная жизнь не складывалась. Работу подсовывали в основном бумажную. Через год здоровье восстановилось, организм оказался крепким, справился.

Началась война... И снова все пошло кувырком! Управление рабоче-крестьянской милиции под Брянском, где Дымов замещал начальника, в полном составе (кто выжил) перебралось в леса, примкнуло к партизанам. Были котлы, прорывы из окружения, триумфальный выход к своим. Служба в военной контрразведке, тогда еще входящей в НКВД. Позже особые отделы вывели из подчинения Берии и передали их в состав наркомата обороны, дав грозное название

СМЕРШ. Оно наводило ужас на чужих и на своих. Потом был Ленинградский фронт, освобождение Белоруссии, Прибалтики...

Операция по освобождению Латвии началась 14 сентября 44-го года. Сопротивление было упорным, немцы выстроили в балтийской республике глубоко эшелонированную линию обороны. В течение месяца войска 1-го Прибалтийского фронта прогрызали оборону и теснили 16-ю и 18-ю армии вермахта – прекрасно вооруженные и подготовленные. 20 сентября в бой вступила 3-я танковая армия генерал-полковника Эрхарда Рауса, но это уже не могло повлиять на положение дел. К 13 октября войска прорвали последние рубежи обороны перед Ригой и через день взяли город, а затем приступили к преследованию противника в Курляндии. Крупная немецкая группировка была блокирована на Курляндском полуострове – в западной части Латвии. Немцы оттянули туда основные боеспособные части. Без сна работали авиация и подводные лодки Балтийского флота, затрудняя снабжение противника продовольствием и боеприпасами через Рижский залив. Образовался Курляндский котел, выход из которого был только по морю – через порты Лиенаи и Вентспилса...

И вот тут произошло необъяснимое. С ходу прорвать оборону не удалось, части Красной армии отошли на исходные позиции. На полуострове скопилась мощная 200-тысячная группировка – остатки 3-й танковой армии, 16-я и 18-я армии группы «Север», латышские легионеры СС. Тем не менее Красная армия имела превосходство в людях и технике. Удары наносились ожесточенные – в направлении Лиенаи, вдоль побережья Рижского залива, на всех участках 200-километрового фронта. Немцы держали оборону, отбивали атаки. Силы группировки подпитывались поставками по Балтийскому морю – тогда еще положение Германии было не настолько критичным. Советское командование упорствовало, методично пыталось взломать оборону. На всем участке фронта от Лиенаи до Тукумса шли тяжелые бои. Пленные рассказывали, что руководство вермахта настроено решительно, солдаты мотивированы, ожидается прибытие крупного десанта – чтобы погнать Красную армию обратно в Ригу и далее. Военные верят в «вундерваффе» – чудо-оружие фюрера, которое вот-вот появится и переломит ход войны. В соседней Литве войска давно вышли к побережью Балтики, а Курляндский котел все держался. С осени по май 45-го советские войска шесть раз предпринимали полномасштабные попытки покончить с окруженной немецкой группировкой и всякие раз терпели неудачу. Армия несла серьезные потери. Отдельные населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. Удалось продвинуться лишь на несколько километров. Площадь котла составляла 15 тысяч квадратных километров, внутри – множество населенных пунктов, глухие леса. Протяженная береговая линия включала территорию нескольких портов. Вражеской группировкой командовал генерал Карл Гильперт – мастер тактического дела. Он умело выстроил оборону, манипулировал резервами, освободил акваторию портов от советских кораблей и субмарин. К маю 45-го года группировка в котле понесла потери, но еще представляла серьезную силу. Латышским легионерам и 6-му армейскому корпусу СС отступать было некуда – и это усиливало их решимость сопротивляться. Ситуация сложилась абсурдная. Поставки осажденным с «большой земли» давно прекратились. Такое ощущение, что они не знали, что происходит в мире. Пала Европа, пала Германия, советские части взяли рейхстаг, подбирались к канцелярии Гитлера. Да и сам фюрер, согласно поступившей информации, приказал долго жить! Сопротивление не имело смысла, только плодило жертвы. Но Курляндия держалась и сдаваться не хотела. Это была последняя столь масштабная группировка немецких войск на европейском театре военных действий. «Не повезло нам, – шутили бойцы и командиры, – везде войне конец, а у нас только начало». Подходили подкрепления, формировался ударный кулак, решительное наступление могло начаться со дня на день...

Встреча с руководством армейской контрразведки состоялась позавчера. От обилия звезд на погонах кружилась голова. Из всех присутствующих Дымов знал лишь полковника Барыкина – своего непосредственного начальника. Из Лиенаи поступил сигнал, его проверили, убе-

дились в достоверности и заволновались. Тема не представляла интереса в военном плане, но имела непосредственное отношение к государственной безопасности. Полковник в очках прочитал майору популярную лекцию. Часть представленного материала была знакома, об остальном он впервые слышал. Много лет немецкие (и не только) ученые ищут способы воздействия на мозг и психику человека. Психотехническая психология... но лучше простому майору не лезть в заумные дебри. Существуют препараты, способные воздействовать не только на мозг, но и на тело. Чистый мескалин европейцы синтезировали еще в XIX веке. Позднее его применяли в психотерапевтической работе с людьми, потом задумались о применении в войсках. «Мескалиновое опьянение» – презабавная штука. В лабораториях продолжалась работа, возник препарат первитин – производное амфетамина, белое кристаллическое вещество без запаха, но с горьким вкусом. Выпуск препарата наладила еще до войны фармацевтическая промышленность. В войну его стали использовать как стимулирующее средство. Поначалу таблетки выдавали летчикам, танкистам, разведчикам – а потом всем, без разбора. За годы войны немецкая промышленность произвела 200 миллионов таблеток первитина. Фактически – наркотик, на него подсаживались, без него не могли воевать. Первитин мощно стимулировал организм, после принятой таблетки люди чувствовали прилив сил, эйфорию, им долгое время не требовался отдых, даже отсутствовала потребность в сне. Они могли не есть, не пить и продолжительное время выполнять поставленные задачи. Люди превращались в роботов, бесстрашно шли в бой, совершали многочасовые переходы, легко сносили все тяготы и лишения войны. На Восточном фронте с лета 41-го первитин использовался в меру – тогда с победами и боевым духом проблем не было. По мере ухудшения ситуации поставки росли, многие уже не могли воевать без препарата, он требовался постоянно. Применение первитина в войсках становилось бесконтрольным. Случались инциденты, когда без приема дозы солдаты отказывались идти в бой. Впрочем, проблем с поставками не было – соответствующая отрасль работала бесперебойно. Трудность была в другом. Сначала к побочному действию относились философски, потом оно стало проблемой. К веществу привыкали, но это было не самое страшное. Тему производства первитина руководство Германии засекретило. В документах наркотик фигурировал под условным сокращением «obm». На фоне успеха, достигнутого при применении препарата, недооценили его побочное действие. Период отхода от «дури» был длинным и муторным, солдаты слабели, рассеивалось внимание. Люди превращались в растения, долго восстанавливались. Проблему мог решить повторный прием, но передозировки часто вызывали смерть. Если же человек выживал, у него возникали проблемы с психикой. Препарат нещадно бил по мозгам, народ терял разум. Дымов лично наблюдал таких людей. Стрелковый полк пробил оборону у населенного пункта Арбене, батальон мотопехоты попал в окружение. Продолжать сопротивление смысла не имело. Но немцы отчаянно сопротивлялись, бились до последнего солдата. Это не был героизм – это было наркотическое опьянение. Утратилась способность критически мыслить, в головах осталось лишь одно: выполнить приказ командования. Пленных оказалось немного, но дюжину вояк все же наскребли. Они сутки провели в подвале. Это было жалкое зрелище. Люди обессилели до предела, даже не могли подняться. Одни недоуменно таращились на красноармейцев – мол, кто такие, другие бились в припадках хохота, разбивали свои дурные головы о бетонный пол...

Улучшение свойств препарата стало для нацистских фармакологов навязчивой идеей. Усилить эффект от потребления, максимально снизить побочные явления. На основе кокаина и первитина разрабатывались новые наркотики. Получившиеся снадобья испытывали в концлагерях – благо подопытных хватало. Но все это было не то – учащались летальные исходы. Руководство рейха требовало создать «революционный» препарат, в разы поднимающий выносливость и настроение. Лаборатории работали в Германии, на оккупированных территориях. С приближением союзных или советских войск лаборатории уничтожались, материалы и документация вывозились в безопасные районы. Но исследования не прекращались,

главари фашистского режима требовали разработать и немедленно запустить в производство вещество, которое придало бы «героям рейха» новый импульс...

– Все идет как надо, когда уже ничего не надо, – шутливо сказал прочитавший «лекцию» полковник Ремизов из армейского управления СМЕРШ. – Они добились своего, синтезировали препарат, который назвали оскарин – это тоже искусственное производное амфетамина, но с усложненной формулой. Не стоит вам лезть в химические дебри. Группа исследователей оказалась небесталанной, совершила прорыв в фармакологии. Вещество соответствует всем требованиям немецкого руководства: невиданным доселе образом стимулирует организм, сводит к минимуму побочные эффекты и практически не вызывает привыкания. Допускается применять препарат в течение нескольких дней. Основная побочка – повышенная сонливость, но от нее можно избавиться в течение восьми часов. Применять данный препарат, к счастью, некому – или почти некому, – война окончена, остались лишь незначительные очаги сопротивления вроде Курляндского котла. Именно там, кстати, препарат и изобрели. Опасность состоит в том, что формулу оскарина, оборудование лаборатории и опытную партию готовой продукции могут вывезти морским путем в Европу. Вы не новичок, майор, понимаете, насколько этот продукт интересен западным спецслужбам. Да и нам он интересен, что греха таить... Источники докладывают: вещество синтезировано и прошло испытания в исследовательском центре Третьего рейха. Центр называется «Вольфсаугэ» – «Волчий глаз». Предприятие создано на базе бывшего латвийского медицинского центра «Тихая волна». До войны там была исследовательская база, при ней – санаторий, где проходили лечение больные с пороком сердца. Центр расположен на побережье Балтийского моря в десяти или двенадцати километрах к северу от Лиепаи, имеет собственный пирс. К сожалению, точными координатами объекта мы не обладаем, их нужно определить. Есть риск, что немцы попытаются вывезти свое детище морем...

– Простите, что перебиваю, товарищ полковник, – сказал Влад, – но где уверенность, что препарат уже не вывезли? К тому же собственный пирс под рукой.

– Еще вчера объект находился на месте – это данные нашей разведки. К эвакуации никто не готовился. Во-первых, немцам неизвестна дата нашего наступления. Они считают, что время есть. А может, рассчитывают опять отбиться. Почему бы и нет? Сколько раз отбивались. Опять же, расчет на некое чудо-оружие. Это мы с вами понимаем, что для противника все кончено. Противник же этого не понимает. Другая психология. Во-вторых, не так просто вывезти лабораторию. Уничтожить – можно, а вот вывезти... Если есть заранее согласованный план, тогда другое дело. Но такого плана у них нет. Договориться с союзниками немцы могли, но это маловероятно. Как ни крути, союзники – это тоже их враги. Подводная лодка к объекту не подойдет, рельеф дна не позволяет. Остается обычное судно. А в море советский флот и советская авиация. Возможно, есть окольные пути... но вывезти по ним лабораторию вероятность тоже незначительная. В-третьих, куда идти? На шведский остров Готланд, куда бегут все прочие? Большой риск потерять лабораторию – эвакуируется секретный объект, а не картофельная база. Лабораторию могут спрятать на суше – а это мы приветствуем, поскольку ее найдем. Уничтожать же свое детище им невыгодно – столько труда затрачено... Далее, майор. Самое главное. С российской разведкой связался некий Тьну Гринбергс – доктор фармакологии, известный в медицинских кругах. Его фото вам покажут. В принципе, не нацист, но сотрудничал с нацистами, о чем весьма сожалеет и хочет искупить свою вину. Под Ригой проживает семья его сестры, эти люди изолированы нами, о чем доктор Гринбергс осведомлен. Это дополнительный стимул для плодотворного сотрудничества с нашей стороной. Доктор Гринбергс принимал участие в создании оскарина – руководил химической лабораторией, проводившей исследования. Он многое знает про препарат – пусть не все, но достаточно, чтобы нас заинтересовать. Доктор знает про базу «Волчий глаз», ее структуру, окружающую местность. Он работал на этом объекте еще в те времена, когда там не хозяйничали нацисты – занимался рецептурой лекарств и так далее. Он сам предложил покончить с лабораторией – и игнориро-

вать такое предложение мы не можем. Гринбергс – важное звено в изготовлении препарата. Вся формула он может и не знать... но тем не менее. Гринбергс у нацистов вне подозрений. Его могут ликвидировать, но только в том случае, если придет приказ ликвидировать всех, кто имеет отношение к созданию оскarina. А заодно ликвидировать тех, кто ликвидировал упомянутых... – Полковник криво усмехнулся. – В данный момент Гринбергс не работает – уволен с объекта по решению руководства. Это не вызвано неприязнью к его персоне или подозрениями в нелояльности. Персонал сокращали, его отдел выполнил свою работу, и их услуги больше не требуются. Руководство предприятия понимало, что этот проект у них последний... Доктор жив и здоров, сейчас не те времена, когда повально устраняют причастных к секретным проектам. О другом голова болит. Доктор немолодой человек, у него проблемы со здоровьем. Видимо, нацисты решили, что он не опасен, и оставили специалиста в покое. Гринбергс проживает в населенном пункте Ульве – это южный пригород Лиепаи. Улица Вруле, дом 21. Есть сведения, что он нечасто покидает свой дом. Доктор ждет, что с ним свяжется наша сторона. План застройки населенного пункта вы получите. А также план Лиепаи и окружающей местности. Ваша задача – выйти на контакт с доктором Гринбергсом и получить все необходимые нам сведения об объекте «Волчий глаз». Будет ли Гринбергс работать с вашей группой – решайте сами. Но к оперативным мероприятиям его привлекать не стоит.

– Это не уловка, чтобы заманить нас в ловушку? – задал Дымов давно интересующий его вопрос.

– Сомневаюсь, – покачал головой армейский контрразведчик. – Зачем им устраивать ловушку? Чтобы уничтожить группу контрразведчиков? От этого им станет легче? Или лаборатория – фальшивка, и они, наводя на нее, отвлекают наше внимание от чего-то важного? Теоретически допускаю, но лаборатория не фальшивка. И оскарин не липа. Действительно получен продукт, превосходящий все предыдущие его аналоги. Данные сведения получены из разных источников. Вам помогут тамошние партизаны – договоренность с ними уже существует. Сформируйте группу из надежных людей. Учтите, обмундирование эсэсовского офицера должно сидеть на них без нареканий. То есть никаких откровенно славянских лиц. Знание немецкого языка – обязательно. Знание местности... м-м, сомневаюсь, что в рядах контрразведки служат латыши, тем более местные. Ладно, этот вопрос адресуем латышским партизанам и подпольщикам. Убедительные немецкие документы получите. Обмундирование возьмете с собой. В Ульве теоретически возможна засада, хотя не думаю. Все же соблюдайте осторожность, действуйте по обстановке и не лезьте на рожон. Ваша задача: локализовать объект «Вольфсаугэ» – определить его координаты, передать их в центр, закрепиться и предотвратить вывоз оборудования лаборатории, материалов и готовой продукции. Партия таковой если и существует, то она опытная, в серийное производство препарат не запускался. Будет нежелательно, если запустят... где-нибудь на Западе. Связь держите через партизан, у них есть рация. Закрепитесь вблизи объекта – местность должна позволять, ждите подхода наших. Наступление начнется через несколько дней. Не скажу, когда точно, это военная тайна. Но возможна высадка тактического десанта, если потребует обстановка. Любым попыткам вывезти лабораторию вы должны препятствовать. Скооперируйтесь с партизанами. Есть крайний допустимый вариант: уничтожение лаборатории – скажем, посредством взрывчатки. Но это исключительная мера и она допустима лишь в том случае, когда остальные не сработают. Конкретную задачу я вам ставить не могу, действовать будете по ситуации. Ваша миссия: не допустить вывоз лекарств и рабочих материалов. Выбор пал на вас – после рассмотрения нескольких кандидатур. Вы опытные, подготовлены, знаете толк в подобных вещах и, главное, удачливы. – «Лектор» усмехнулся.

– Почему СМЕРШ, товарищ полковник? – решил на вопрос Дымов. – Оперативная работа 3-го отдела подразумевает... несколько иную деятельность.

– Хорошо, что спросили, – похвалил полковник. – Отвечаю. Только нашей структуре поручаются дела наивысшей секретности. Я удовлетворил ваше любопытство? Тогда с Богом, если вас не пугает это слово...

Потери у контрразведки были тяжелые, но с подкреплением сложностей не испытывали. Отдел укомплектовали полностью. В 3-м отделе дивизионной контрразведки числились двенадцать человек – было из чего выбрать. Евгений Садовский шел с боями от Курска, дважды получал ранения, но быстро возвращался в строй. Не болтун, с аналитическим складом ума, не любитель лезть на рожон, но действующий решительно, когда требует ситуация, – его кандидатура даже не подвергалась сомнению. Немецкий язык Садовский выучил еще до войны – его мать преподавала в школе в небольшом приволжском городке. Борис Глазнев до 43-го года служил в особых отделах действующих частей, следил за моральным обликом красноармейцев. Дымов наводил справки: дела этот парень не фабриковал, провинившихся не расстреливал. А однажды даже спас от расстрела группу красноармейцев, заблудившихся в лесу. Соратники, не разбираясь, заклеили их дезертирами, но Глазнев решил копнуть, провел расследование – в итоге группа в полном составе отправилась на передовую, а к Борису стали относиться, как к белой вороне. Он объяснял свой поступок так: такая масса реальных врагов – зачем назначать ими нормальных ребят? Поспорить с его утверждением было трудно. Леха Пушкарь и Мишка Балабанов были из декабрьского пополнения – оба прибыли из Ленинграда. С немецким языком проблем не было, но от акцента не избавились. «Будете из Эльзаса», – шутиливо подытожил Дымов. Повоевать эти парни успели, несмотря на молодость, имели неплохие рекомендации и по медали «За отвагу». Об умственных способностях говорил тот факт, что к маю 45-го оба остались живы. В декабрьском пополнении было девять молодых офицеров – теперь остались трое, причем один не вылезал из госпиталя. Был еще Константин Потапенко...

Кончился человек, осталась только память о нем. И ведь язык не повернется сказать, что сам виноват. Хотя, конечно, сам... Майор вертелся на голой земле, засыпал, просыпался. Ночь неумолимо проходила. Перед рассветом затихли звуки, мир погрузился в глухое безмолвие. Полученное задание выглядело, как уравнение с несколькими неизвестными. Один просчет уже совершен: партизаны оказались не теми, кого ожидали. Хоть не откровенными провокаторами и пособниками нацистов. Как с ними сотрудничать? Какие цели они преследуют? То же самое, что идти в бой с бойцами польской Армии крайовой, в которой куда ни плюнь – убежденные ненавистники советской власти! Руководство уверяет, что в запасе еще несколько дней, время есть, но как они могут точно знать, есть время или нет? На другой стороне не идиоты, на какое чудо могут рассчитывать, если войне конец? Остановить их могут только технические трудности...

Глава третья

Утро было серое, холодное, люди стучали зубами, разогревались как могли. Партизаны проявляли сдержанность, почти не разговаривали. Латыши не отличалась болтливостью.

Анна Сауляйте сполоснула лицо водой из фляжки, с какой-то печалью уставилась в зеркальце на свое отражение. Влад украдкой наблюдал за ней. Женщины всегда остаются женщинами – даже гордые и самостоятельные.

С выступлением не тянули. Предрассветная серость еще не опустилась на землю, когда группа двинулась в путь.

Бурелом хрустел под ногами, люди размеренно дышали, грузно переставляли ноги. Лес уплотнялся, подрос колючий кустарник, приходилось его огигать витиеватой траекторией. Оперативники держались кучкой в центре колонны. Мишка Балабанов постоянно озирался, словно кого-то искал.

– На месте твоя красавица, не осталась в овраге, – ухмыльнулся Пушкарь. – Замыкает шествие вместе с обгоревшим мужиком. Нерешительно ты действуешь, Мишка, неправильно. Надо брать быка за рога, идти развернутым фронтом, разить наповал. Вот я бы так и поступил. А что толку от твоих детских взглядов?

– Флиртовать начнет – местные «темную» ему устроят, – фыркнул Глазнев. – И так недобро смотрят...

– Да шли бы вы, – обиделся Балабанов. – Разочаровался я в них, прихвостни они буржуазные, идут на поводу у мироедов и империалистов. И женщины у них такие же. – Мишка густо покраснел. – Чего ржете, точно вам говорю – заведут они нас в какую-нибудь глухомань, как Сусанин поляков завел. Товарищ майор, вы точно уверены, что нам с ними по пути? Не заведут в засаду? Может, обсудим этот вопрос на закрытом совещании?

– Опять двадцать пять, – вздохнул Садовский. – Мишка, кончай ворчать. Излишняя подозрительность так же опасна, как излишняя доверчивость. Объясни ему, командир. Всю душу ведь вынет.

– Да, в самом деле, они такие же, как мы, – фыркнул Балабанов. – Подумаешь, некоторые разногласия по ряду вопросов. Вспомните, товарищ майор, что мы с подобной публикой делали в Польше, когда поляки оказывались у нас в руках? Интернировали – и это в лучшем случае. Думаете, они не знают?

Дымов молчал. Мишка был прав. Со сторонниками польского «правительства в изгнании» не церемонились. Аналогия просматривалась. Вряд ли эти люди имеют иллюзии. Умные понимают, что СССР свое возьмет, заберет Балтию и не подавится – и сопротивляться бесполезно. И англичане с американцами в такую даль им на помощь не побегут.

– Не отнимайте у людей мечту, – пробормотал Садовский, покосившись на идущего на обгон партизана.

Пушкарь прыснул, стал усердно кашлять, прикрыв рот кулаком.

Группа вышла из леса и погрузилась в густой туман, окутавший низину. Двигались словно в дыму, видя лишь спину идущего впереди товарища. Этот туман имел причудливые свойства, не таял, растекался по впадинам. Люди брели по мутному киселю – впрочем, недолго, снова потянулся лес, вернее, лесополоса.

Прошло минут пятнадцать. Туман неохотно таял. Небо затянули рыхлые облака, в воздухе повисла изморось. Люди рассредоточились на опушке, стали зарываться в землю. В качестве укрытий подходили битые бурями деревья, канавы природного происхождения.

Подползла Анна, пристроилась рядом. Женщина вспотела. Темные волосы с проседью выбились из-под форменной кепки, смешались с сохлой листвой. Под мешковатой одеждой скрывалась неплохая фигура. Дымов попытался представить ее в вечернем платье, и что-то

зануло под ложечкой. Он отвел глаза. Местность шла на повышение, туман практически рассеялся. В стороне пролегла асфальтовая дорога, она активно использовалась. Проезжая часть располагалась на насыпи, и издали казалось, что это железная дорога. На открытой местности зеленела трава, выделялись группы деревьев, не мешающие обзору. Из обрывков туманной мути выплывали очертания населенного пункта. До его окраин было метров восемьсот. Дома начинались сразу, без всяких сараев и огородов – небольшие, двухэтажные, представляющие все оттенки серого и белого. Они стояли плотно с какими-то грузными двускатными крышами. В глубине поселка виднелась церковь с устремленной в небо макушкой. Нацистская символика присутствовала: на фронте единственного трехэтажного строения, соседствующего с храмом, развевалось алое полотнище со свастикой. Со стороны невозможно было понять, что происходит в городке. Зеленели деревья и прочие насаждения. В сторону поселка проехала легковая машина в клубах сизого дыма. Из города вышла колонна из двух грузовых машин, медленно потащилась по дороге, очевидно, к линии фронта. В районе последней царил неподвижная тишина – такое ощущение, что артиллеристы взяли выходной. Поселок был небольшой. Дома стояли компактно, занимая площадь не больше пары квадратных километров. За северной окраиной чернел лес.

– Чувствуете запах моря? – потянула носом Анна. – Оно слева, до воды не больше двух километров. Но берег там сильно изрезан, к воде не подойти.

«Курортные вопросы» пока не волновали.

– Это Ульве? – уточнил Влад.

– Ульве, – подтвердила Анна. – Маленький поселок, полторы тысячи жителей. Вам он явно интересен, майор.

– Да, имеется к данному объекту смутный интерес, – уклончиво отозвался Дымов. – Ваши люди в Ульве не пойдут. Мои люди тоже пойдут не все. Нужно заглянуть в поселок и забрать одного человека. Предлагаю вашим людям обойти Ульве с запада и дожидаться нас в северном лесу – скажем, напротив церкви, представляющей неплохой ориентир.

– А если мы вас не дождемся? – задумалась Анна. – Вы рискуете, вас могут схватить.

– О, не надо о нас беспокоиться... – от внимания Дымова не укрылось, как женские плечи произвольно вздрогнули. – Если нас схватят, вы это услышите – мы молчать не будем. Возвращайтесь к своим делам, и было приятно познакомиться. Мои люди, что с вами останутся, найдут обратную дорогу. Думаю, до этого не дойдет, все закончится благополучно.

– Но я не понимаю, как вы собираетесь проникнуть в Ульве, – удивилась женщина. – Ваша гражданская одежда никого не убедит, что вы местные, вас сразу задержат.

– Мы что-нибудь придумаем, – загадочно улыбнулся майор.

Форма гауптштурмфюрера слегка помялась, но выглядела сносно. Что бы ей сделалось в вещмешке? Сценический реквизит оперативникам выдали на вещевом складе дивизии. Он хранился под грифом «Спецхран». Там же примерили, умирая от смеха друг над другом. Прибывший портной устранил на месте недостатки, прибыл полковник Барыкин, придирчиво оглядел своих бойцов и вынес утешительный вердикт: «Орлы!» Возможно, в этой форме кто-то умер, но это не имело значения. Упакованное обмундирование по мере выдвижения оттягивало плечи и вызывало острое недовольство у офицерского состава. Но все понимали, что атрибутика пригодится.

Дымов вышел на обочину, брезгливо постучал подошвами, стряхивая грязь с сапог. Тонкая шинель облегла фигуру. Следом на дорогу выбрался капитан Садовский в облачении оберштурмфюрера СС. Тоже неплохо смотрелся, только шинель была коротковата и фуражка натирала уши. Бесстрастное лицо, впрочем, удалось – времени на подготовку хватило.

«Эх, артисты погорелого театра», – подумал Влад.

Мимо по дороге в сторону передовой проследовал двухтонный «Опель-Блиц» с солдатами вермахта. Помимо личного состава машина перевозила пару минометов. Солдаты равно-

душно посмотрели на мнующихся у обочины офицеров. Подозрения те не вызывали, хотя на ум и мог прийти вопрос: что они тут делают?! Поблескивали за стеклом выпуклые глаза водителя. Сопровождающий офицер был спокоен, как Будда. Он зевал, прикрывая рот ладонью. Машина проследовала мимо. Когда возник второй грузовик, офицеры вошли в роль: гауптштурмфюрер нетерпеливо поглядывал на часы, его товарищ раскрыл планшет и стал перелистывать документы (безусловно, секретного содержания). Этот транспорт тоже проследовал без остановки – беспокоить пассажиров не стали. Войска выдвигались к линии фронта – там что-то назревало. «Интересно, они в курсе, что происходит в мире? – подумал Влад. – Или верят, что Германия держится и вот-вот перейдет в наступление? А все остальное – советская пропаганда?» И этот грузовик исчез за деревьями. Влад осмотрелся. За разреженным сосняком простиралось ровное, словно разглаженное утюгом, поле. Дома населенного пункта отсюда не просматривались.

– Ну-ну, – меланхолично пробормотал Садовский, отрывая уголок от «секретного» документа и отправляя в рот. – Идея сразу была так себе, но мы, конечно, решили попробовать... Мы не похожи на погорельцев, командир?

– Давай без критики, – проворчал Влад.

С добычей транспорта образовалась заминка. Но не пешком же передвигаться, выполняя задание? Влад насторожился: нарастал гул. Из-за деревьев показался легковой «Фольксваген», окрашенный в защитные тона. Водитель не спешил. Топливо использовалось некачественное: из выхлопной трубы выстреливал черный дым. С нормальным бензином Германия давно простилась, теперь дорабатывали остатки «синтетики» – самого ужасного на свете горючего. Рядом с водителем в пилотке сидел офицер – пухлощекий, похожий на барсука. «Язык» не требовался, но Влад подобрался. Рука в щегольской перчатке из мягкой кожи выбралась из отворота шинели – майор собрался «проголосовать».

– Командир, отставить! – испуганно зашептал Садовский. – Ты что, ослеп?

Нарушение субординации было простительно. Едва не погорели! Командирскую машину сопровождал бронетранспортер с пехотой! Он держался на удалении, и его не сразу засекли. Из-за деревьев с утробным ревом выворачивал пятнистый БТР-251, оснащенный спаренным пулеметом для стрельбы по низколетящим целям. Сердце екнуло, Дымов отступил от обочины, начал делать вид, что распекает подчиненного. Садовский соорудил тупое лицо, вытянул руки по швам. Оба закашлялись. То еще удовольствие – дышать зловонной гарью. Оба транспорта проехали в сторону Лиепай, и вновь наступила тишина.

– Погорим когда-нибудь, товарищ майор. – Садовский расслабился. – Говорил же, неважная мысль...

Из-за деревьев показался светло-серый легковой «Опель». Он следовал в нужном направлении. Никакая бронетехника его не сопровождала. Водитель носил армейскую шинель. Место пассажира пустовало. Но кто-то сидел сзади, смутно проглядывали очертания человека. До машины оставалось двадцать метров, когда Дымов вышел на проезжую часть и поднял руку. Водитель сделал недоуменное лицо, поколебался и начал плавно тормозить.

– Командир, опасность... – сдавленно предупредил Садовский.

Зла уже не хватало! Что за привычка говорить в спину разные гадости! Со стороны Лиепай приближалась еще одна грузовая машина. Водитель никуда не спешил. Груз в кузове был закрыт брезентом, его сопровождали несколько военнослужащих. Ширины проезжей части вполне хватало разъехаться. «Опель» остановился в нескольких метрах от майора. Водитель раздраженно хмурился. Он выбрался одной ногой на дорогу, привстал.

– В чем дело, гауптштурмфюрер? Я везу помощника мэра господина Бергса! Через двадцать минут мы должны быть в городе!

Дымов подошел к машине, демонстративно игнорируя прыщавого водителя в форме капрала, распахнул заднюю дверь. Гул за спиной нарастал, грузовик приближался, и сидящие в нем прекрасно видели происходящее. Приходилось вести себя прилично. На заднем сиде-

ные сидел упитанный щекастый господин в светло-песочного цвета плаще, полы которого едва сходились на животе. Он мял в руках шляпу, испуганно смотрел на Дымова. «То что надо», – подумал Влад. Кабы не трехтонное чудовище, наезжающее сзади! Оно рычало, как мастодонт, уже закладывало уши.

– Господин Бергс, мне очень жаль! – прокричал Влад, перекрывая своим голосом шум грузовика. – Гауптштурмфюрер Карл Вайс, это мой помощник Людвиг Шлессер! Специальный отдел шестого корпуса СС! Нам нужен транспорт, это срочно! Тяжело ранен штандартенфюрер СС Гузман – мы попали в засаду партизан! Преступники уничтожены, но герра Гузмана нужно срочно доставить в госпиталь! Наши машины повреждены, поэтому приходится искать попутный транспорт!

– Но позвольте! – покрываясь «трупными» пятнами, воскликнул толстяк. – Я заместитель мэра Лиенау по вопросам взаимодействия гражданской администрации с вооруженными силами рейха... Через двадцать минут я должен находиться на важном совещании...

– Ничего страшного, господин Бергс! – прокричал Дымов, влезая на заднее сиденье. – Вы будете на своем совещании через полчаса. Нужно срочно забрать раненого и завезти в госпиталь! Вы окажете услугу нашим структурам, и уверен, мое начальство об этом не забудет... Оберштурмфюрер Шлессер, вам требуется особое приглашение? – рявкнул Влад. – Садитесь рядом с водителем и показывайте дорогу! Господин Бергс, повлияйте на своего шофера, вы же не хотите, чтобы мы его пристрелили?! С каждой минутой штандартенфюрер Гузман теряет все больше крови!

Вице-мэр что-то проорал, водитель спохватился, вернулся за баранку. В рассказанной истории концы не сходились, но придумывать что-то убедительное было некогда. Мимо протащился чадающий двуокисью грузовик. Водитель равнодушно поглядывал через стекло на «Опель». Охранников в кузове что-то насторожило, они смотрели с подозрением, но стучать по кабине с требованием остановиться не стали. «Мастодонт» проследовал мимо, стал таять в дымке гари. Майор контрразведки облегченно перевел дыхание.

– Но я не понимаю, почему вы остановили именно меня, – пролепетал толстяк. – Черт возьми, я наживу с вами крупные неприятности!

– Успокойтесь, господин Бергс, не заставляйте уличать вас в нарушении вашего священного долга. – Майор откинул голову, его сердце учащенно билось. – Водитель, почему мы еще не едем? Выезжайте из леса, потом свернете направо – на проселочную дорогу. Она идет вдоль лесного массива. Оберштурмфюрер, подскажите этому бестолковому парню!

Немцы чувствовали подвох, но «гауптштурмфюрер» не давал возможности пошевелить мозгами. И ведь действительно он мог применить оружие! Капрал волновался, руки срывались с баранки. Он довел машину до пересечения с проселком, по приказу Садовского свернул направо. Проселочные дороги в этой местности тоже были ровные и гладкие, как и асфальтированные. «Опель» катил вдоль опушки, Дымов поторапливал, украдкой смотрел по сторонам. Живых существ в квадрате не было – как и полчаса назад. Трасса, оставаясь за спиной, стремительно удалялась. Слева по ходу движения просматривались крыши поселка – до него было не меньше километра.

– Но послушайте, здесь никого нет... – Толстяк подался вперед, вытянул шею. У водителя побелели костяшки пальцев, сжимающие баранку.

– А кто вам нужен, господин Бергс? – огрызнулся майор. – Все наши в лесу. Оберштурмфюрер, вы спите? Капрал, сворачивайте к лесу!

Водитель рывком вывернул баранку, съехал с дороги. Это место оперативники облюбовали сорок минут назад – удобное, укрытое от посторонних глаз. «Опель» въехал за кустарник, зацепив ветки. Стена растительности пришла в движение, заколыхалась. Открылась поляна, примыкающая к осиновому лесу. Садовский скомандовал: стоять! Капрал надавил на тормоз, ударился грудью о баранку. Икнул толстяк, ударившись носом о спинку стоящего впереди

кресла. Влад схватил его за шиворот, избавляя от дополнительных увечий. Капрал закричал от боли, собрался возмутиться. Удар в висок потряс его, голова откинулась. Второй удар с перспективой перелома шейных позвонков был нанесен в шею. Так бьют, когда не хотят оставлять свою жертву в живых. Капрал издал протяжный вздох и замер с округлившимися глазами. Взвизгнул толстый, его барсучья физиономия позеленела от страха. К машине подбежал преобразившийся в оберштурмфюрера Глазнев, распахнул дверь.

– Борис, вытаскивай этого жиробаса, – прокряхтел Влад. – Ох хлебнем мы с этой тушей...

Садовский вытолкнул мертвого водителя из машины, потом вылез сам, обогнул капот, схватил труп за шиворот и поволок в кустарник. Когда он вернулся, дыша, как загнанный конь, Глазнев за шкуру вытаскивал из машины толстяка. Тот сопротивлялся, вцепившись в водительское кресло. Садовский залез в машину с обратной стороны, предварительно вынув из кобуры офицерский «вальтер», приставил ствол к трясущейся голове вице-мэра. Но вопреки ожиданиям тот шелковым не стал, окончательно взбеленился. Он брызгал соплями, вертел головой – в общем, дрался, как лев, за свою бесценную жизнь. В итоге начал царапаться, и это уже утомило! Садовский ударил его по голове рукояткой пистолета. Чиновник вздрогнул, потерял сознание. Его извлекли из машины совместными усилиями, бросили на землю.

– То есть убивать мы его не будем, я правильно понимаю момент? – спросил Глазнев.

– Правильно, – кивнул Влад. – если сам не попросит. Безоружный, да еще гражданский. Мы, конечно, не ангелы милосердия, но...

– Что за должность такая – заместитель мэра? – задумался Садовский. – Слово глупое – «мэр». Большая шишка, что ли?

– По-нашему, председатель горисполкома, – хохотнул Глазнев. – Городской глава или что-то в этом роде. А это его заместитель по линии взаимодействия с фашистами. Ничего, это временно. Скоро у них, как у всех нормальных людей, будут председатели горкомов, горисполкомов, Советов народных депутатов...

Проникновенную речь оборвал господин Бергс, которому никак не лежалось. Он распахнул глаза и покатился колобком, проворно вскочил и бросился грудью на кустарник. Ветки отбросили его, заплелись ноги, чиновник упал на спину, завыл. Повторил попытку, но Дымов подбежал, схватил за шиворот. Человек обессилел, лег и больше не дергался.

– Кто вы? – промямлил он. – Что вам нужно?

– Господин Бергс, мы предельно доходчиво объяснили, кто мы такие, – строго сказал Дымов. – Да, история с раненым оказалась уловкой, но остальное чистая правда. Мы представляем специальный отдел СС. В недрах вашего ведомства раскрыт заговор против фюрера... – Дымов помялся, звучало смешно – заговор против мертвеца. – И в чиновничьем аппарате проводятся чистки. Вы один из главных подозреваемых, о чем с прискорбием сообщаем...

Откуда столько сил у человека? Он завыл, как волк на луну, снова подскочил, пустился в бег. Садовский настиг его в несколько прыжков, повалил на землю, стал пинать. Чиновник завертелся, закрываясь руками.

– Товарищ капитан, кончайте валять дурака! – прикрикнул Влад. – Ну, в смысле, этого дурака... – ему попала в рот смешинка. А ведь не было ничего смешного!

Садовский нагнулся, точным ударом послал толстяка в нокаут, поднял голову.

– Может, в расход его, командир? Ну, в рамках санитарного отстрела...

– Отставить, – поморщился Влад. – А вот штаны с негоними – и выброси подальше, чтобы не нашел.

Штаны с чиновника с удовольствием стащили, забросили на дерево. Самого хорошенько связали найденной в машине бечевкой, заткнули рот промасленной ветошью и снова приложили между глаз. Тушу оттащили в лес, облегченно выдохнули.

– Нелегкая это работа, – засмеялся Садовский. – А что, форменный бегемот...

– Ладно, закончили производственную гимнастику, – выдохнул Дымов. – Три минуты на отдых и перекур, заправиться, что там еще... Все помнят, как вести себя при неожиданных встречах? Садовский, сядешь за руль, у тебя водить автомобиль хорошо получается.

На въезде в Ульве стояла очередь из автотранспортных средств. На КПП проверяли документы и груз. Садовский сплюнул, прижал машину к потрепанному грузовичку «MAN». В кузове развалились люди в военных френчах и с карабинами. На рукавах у вояк красовались бурые шевроны с диагональной светлой полосой: отличительный знак Латышского добровольческого легиона.

– Разворачивай, – спохватился Дымов. – Машина приписана к гаражу городской управы Лиепай. На посту эти номера знают. Плохо, мужики, не продумали...

Сзади подпереть не успели. Садовский сдал назад, начал разворачивать машину – нарочито неторопливо. «Опель» смял грунт на обочине, покатил назад. Метров через семьсот оперативники свернули на знакомую грунтовку, а потом опять, сделав вираж, оказались на прилегающей сельской дороге. К юго-восточной окраине Ульве примыкало живописное озеро с камышами. Проселок тянулся вдоль берега. Глиняное покрытие просело, проезжая часть находилась в неудовлетворительном состоянии. Местные и немцы здесь не ездили, видимо, дорога считалась непригодной для движения транспортных средств. Для советского же человека – в самый раз, к тому же «Опель» обладал внушительным дорожным просветом. За гущей ивняка качество проезжей части улучшилось, показались дома. Постов здесь не было ввиду отсутствия автомобильного движения. Невзрачные двухэтажные строения опоясывали дощатые заборы. Пожилой мужчина с тростью предусмотрительно уступил дорогу и угрюмо смотрел вслед. Жизнь в поселке замерла, люди предпочитали сидеть по домам. Садовский посмеивался, крутя баранку: легкая возможность проникнуть в поселок, минуя посты, парня развеселила. В стороне гудела трасса – звуки долетали в раскрытое окно.

– Бензина мало, – сообщил Садовский. – Не знаю, дотянем ли до леса. Изрядный крик дали, вот и истратили топливо.

– Дотянем, – уверил Дымов. – Не такая уж коломенская верста.

Карта поселка стояла перед глазами. Эти изгибы улочек он выучил еще в расположении советских воинских частей. Пара поворотов, шаткий мостик через пересохшую речушку. С военными пересеклись лишь однажды. У металлической ограды, за которой находились склады, стояли потрепанный «Кюбельваген» и полугусеничный тягач – странная смесь мотоцикла и фургона. В двигателе «Кюбельвагена» ковырялся механик. Двое курили – молодые лейтенанты сухопутных войск. Вдоль забора прохаживались часовые со штурмовыми винтовками. «Опель» с офицерами СС обнаружили еще на подъезде. Остановливать не стали – себе дорожке. Механик сделал вид, что ничего не заметил. Лейтенанты дружно вскинули руки в «устаревшем» нацистском приветствии. Дымов изобразил ладошкой нечто аналогичное и установился в лобовое стекло. Боковое зрение работало. В «Кюбельвагене» попискивала рация, никто не бросился сообщать о незнакомцах в городе. На восточной окраине стояли нарядные дома под остроконечными крышами, в палисадниках произрастали первые майские цветы. Оживали выюны, оплетающие стены и наличники окон. К забору прижался старенький «Мерседес» со спущенными колесами. Военного присутствия не наблюдалось. Пригород Лиепай немцы не укрепляли – ввиду нехватки сил здесь продолжалась невидимая глазу мирная жизнь.

Улица Вруле была застроена опрятными одноэтажными строениями. В Советском Союзе такую зону назвали бы частным сектором. Здешние жители любили чистоту и порядок – и этим не отличались от немцев. Скромная серая постройка со светлыми наличниками находилась в глубине улочки за символической оградой. Ее было проще перешагнуть, чем обойти. Двор был убран, грядки вскопаны. Старенькую некрашеную беседку стыдливо прикрывали вьющиеся растения. Прошлогодную листву, осыпавшуюся с рябин, заботливые руки хозяев смели

и погрузили в холщовые мешки – они стояли в ряд возле бочек. Окна аккуратного домика закрывали занавески. Садовский остановил машину напротив ограды. Из образа не выходили – выгрузились с надменными минами, осмотрелись. Шевельнулся коврик, переброшенный через соседскую ограду. Мелькнула спина удаляющейся хромоножки – юркнула за угол подсобки и пропала. Залаяла собака, но лай резко оборвался – такое ощущение, что животному сдавили горло. Шевельнулась занавеска в доме на другой стороне дороги. Показался испуганный глаз «аборигена» и пропал. Чем эсэсовские знаки различия отличаются от общевойсковых, знала вся Европа.

Влад ногой открыл калитку, ступил на мощенную гравием дорожку. Дом тоскливо молчал. Рука машинально потянулась к кобуре. Доктор Гринбергс мог сбежать, его могло пасти гестапо, могли убить как важного свидетеля. Слова полковника Ремизова ничуть не убеждали – в военное время все меняется быстро. Дымов двинулся к крыльцу. Товарищи не отставали. Возникало чувство, что за ними наблюдает вся округа. Вот оно – дернулась занавеска на окне, кто-то быстро отошел в глубину дома...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.